

18+

Алёна Федоровская

**На те же
грабли:
Инструкция
по применению**

Алёна Федоровская

На те же грабли:

Инструкция по применению

<https://litres.ru/74370668>

ISBN 9785007106795

Аннотация

В конечном счете, взросление — это переход от слепого доверия к осознанному принятию собственных рисков. Ведь только тот, кто рискнул обжечься, по-настоящему знает, что такое тепло, и только тот, кто упал, по-настоящему понимает цену уверенного шага.

В конечном итоге, именно эти «запретные» шаги и делают нас теми, кто мы есть: людьми, которые предпочитают увидеть всё своими глазами, даже если цена этого знания — пара новых шрамов на коленках или на сердце.

Содержание

Аннотация	5
Предисловие	6
Глава 1	9
Глава 2	19
Глава 3	23
Глава 4	36
Глава 5	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

На те же грабли: Инструкция по применению

Алёна Федоровская

© Алёна Федоровская, 2026

ISBN 978-5-0071-0679-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Аннотация

В конечном счёте взросление — это переход от слепого доверия к осознанному принятию собственных рисков. И когда мы, наконец, перестаём винить мир за его колючки, мы начинаем ценить те плоды, которые смогли собрать, пробираясь сквозь тернии самостоятельно. Ведь только тот, кто рискнул обжечься, по-настоящему знает, что такое тепло, и только тот, кто упал, по-настоящему понимает цену уверенного шага. Возможно, именно в этом стремлении идти наперекор и заключается суть человеческого развития. Мы не просто нарушаем правила — мы ищем свой собственный путь, даже если он пролегает через тернии, от которых нас так старательно пытались уберечь. В конечном итоге именно эти «запретные» шаги и делают нас теми, кто мы есть: людьми, которые предпочитают увидеть всё своими глазами, даже если цена этого знания — пара новых шрамов на коленках или на сердце.

Предисловие

С самого детства нам твердили: «Не делай этого — будет больно», «Не ходи туда — упадёшь», «Не трогай это — обожжёшься». Родители, бабушки и дедушки, словно провидцы, заранее знали, что мир полон опасностей, и пытались укрыть нас от них. Но, как это часто бывает, слова взрослых звучали для нас как запреты, которые нужно непременно обойти, как вызов, который необходимо принять.

Помню, как в детстве я упрямо лезла на старое раскидистое дерево во дворе, несмотря на настойчивые предупреждения: «Упадёшь — больно будет!» Конечно, падала. И не раз.

Каждое падение сопровождалось ушибами, ссадинами на коленках и локтях, но именно после них появлялось странное, но отчётливое чувство, что я стала чуть умнее, чуть осторожнее, чуть сильнее.

Однако, даже научившись на своих ошибках, я всё равно находила новые «деревья», на которые хотелось залезть, новые «запретные» места, куда непременно нужно было пойти.

С годами эти детские уроки превратились в некий внутренний инстинкт — делать наперекор самой себе, проверять границы дозволенного, испытывать судьбу. Иногда это приносило боль, иногда бесценный опыт. Но неизменно одно: я наступала на одни и те же грабли снова и снова.

Это касалось и отношений, и бизнеса.

И каждый раз, получая «по голове», я удивлялась: почему же я ничему не научилась? Почему этот цикл повторяется?

Иногда боль — это не наказание, а сигнал, что пора изменить направление, что выбранный путь ведёт не туда.

Возможно, иногда стоит остановиться и прислушаться.

И вот, с каждым таким осознанием, с каждым моментом, когда я выбираю прислушаться, а не бросить вызов, я чувствую, как становлюсь сильнее. Это не та сила, которая ломает преграды, а та, которая умеет их обходить, которая знает, когда нужно проявить терпение, а когда настойчивость.

И именно тогда моя жизнь начинала меняться, приобретая новые краски и смысл.

Это сила мудрости, которая приходит с опытом, с принятием того, что ошибки — это не конец пути, а лишь его часть, и что самые ценные уроки мы получаем не тогда, когда всё идёт гладко, а когда приходится подниматься после падения.

В этом, пожалуй, и заключается истинное взросление — в советах и силе принятия себя со всеми своими падениями и взлётами.

Иногда этот баланс кажется хрупким, как тонкий лёд на весеннем водоёме. Ты чувствуешь, что под ногами может разверзнуться бездна, но одновременно ощущаешь притяжение неизведанного, желание проверить, насколько прочен этот лёд и что скрывается под ним. Вот тут-то и приходит на помощь та самая мудрость, которую мы так старательно пы-

тались игнорировать. Она шепчет: «Остановись. Подумай. Не спеши».

Это как если бы перед тем как лезть на новое неизведанное дерево, ты сначала осмотрел его, проверил прочность веток, прислушался к ветру. Ты все равно заберёшься на вершину, но сделаешь это более безопасно, с меньшим риском для себя.

Иногда, когда я сталкиваюсь с новой трудностью, с ситуацией, где интуитивно чувствую опасность, я вспоминаю эти «не спеши, подумай».

Жизнь научила меня, что опыт — это не только падения и ушибы, но и умение вовремя остановиться, сделать паузу и переосмыслить свои действия.

Что, собственно, и случилось со мной в этот раз.

Глава 1

— Слушай, найди ты себе нормального русского парня! Что ты заиклилась на этом карачаевце? Он давно женат и счастлив, а ты всё живёшь прошлым! — твердила мне мама последние полгода.

С момента расставания с бывшим парнем прошло уже три года, но сердце — непредсказуемая штука: воспоминания раз за разом возвращали меня к нему. Мама даже не подозревала, что на горизонте появился новый мужчина. И, как вы думаете, кто? Естественно! Он тоже был из Карачаево-Черкесской Республики. Ничего не могу с собой поделаться: меня всегда тянуло к одному и тому же типу. Причем это был редкий для тех мест типаж: высокий, коренастый, с густой щетиной и смоляными волосами. Говорят, если чего-то очень хочешь — обязательно найдёшь. И я нашла.

Этот «эксклюзивный экземпляр» появился в моей жизни вопреки всем предостережениям мамы и моей знакомой Зухры, которая нас и познакомила. Он был именно таким, как я люблю: высокий, крепкий, с пронзительными голубыми глазами и тихим уверенным голосом. В этот раз я дала себе слово: никаких влюбленностей с первого взгляда, только холодный расчёт.

В то время я работала управляющей в гостинице Зухры в Домбае: занималась рекламой, снимала контент для соцсе-

тей. Оказалось, что я уже была знакома с ним заочно — отправляла ему фотографии номеров, чтобы он предлагал их своим туристам.

Когда он впервые вошёл в гостиницу, на нём была нелепая шуба до пола. Мы с официанткой переглянулись и едва сдержали улыбки. Зухра пригласила его за наш столик. Он жаловался на усталость от туристов и навязчивых девушек, которые посягали на его свободу, просил Зухру найти ему «нормальную» спутницу, уважающую личное пространство. Я пыталась вставить слово, но он меня словно не замечал.

А потом я узнала, что у него день рождения в тот же день, что и у моего бывшего мужа, от которого я сбежала после 16 лет брака. Интерес угас мгновенно. К тому же мой автобус отправлялся через полчаса, и я поспешила на него.

Я уже собиралась встать, как вдруг он повернулся в мою сторону. Его взгляд, холодный и пронзительный, на секунду задержался на моём лице.

— А ты, значит, та самая девушка, которая присылает мне эти бесконечные фото номеров? — спросил он, чуть прищурившись.

В его голосе не было ни капли той надменности, которую я успела себе нафантазировать, пока слушала его жалобы на жизнь. Напротив, в нём проскользнуло какое-то любопытство. Я замерла, чувствуя, как внутри, несмотря на все мои клятвы «не влюбляться», что-то предательски дрогнуло.

— Та самая, — ответила я, стараясь, чтобы голос звучал

максимально отстранённо. — И, судя по всему, мои фото вам не очень помогают, раз вы до сих пор не нашли идеальный вариант для своих туристов.

Он усмехнулся, и эта улыбка — едва заметная, в уголках губ — совершенно не вязалась с его нелепой шубой.

— Помогают, — коротко бросил он. — Просто я придирчивый. Как и к людям.

Зухра, видя, что между нами пробежала искра, довольно улыбнулась и начала что-то щебетать про то, что нам обоим нужно выпить кофе перед дорогой. Я посмотрела на часы: до отправления автобуса оставалось двадцать минут. В голове крутилась мысль: «Беги, это плохая идея. Очередной карацевец, очередные проблемы, очередные грабли».

Но ноги словно приросли к полу. Я снова села.

— Ладно, — сказала я, глядя ему прямо в глаза. — У нас есть двадцать минут. Рассказывай, что именно тебя не устраивает в твоих «навязчивых» девушках? Может, проблема вовсе не в них, а в том, что ты сам не знаешь, чего хочешь?

Он удивлённо поднял бровь, явно не ожидая такого напора. В этот момент я поняла: мой план «присмотреться» провалился, даже не начавшись. Я снова вступала на ту же тропу, зная, что впереди, скорее всего, снова будут грабли. Но в тот момент, под шум горного ветра за окном гостиницы, мне было до чёртиков интересно узнать, что скрывается за этой нелепой шубой и уверенным голосом человека, который словно возник из моего прошлого.

Он откинулся на спинку стула, скрестив руки на груди, и шуба, до этого казавшаяся нелепым меховым коконом, вдруг перестала бросаться в глаза. Теперь она лишь подчёркивала массивные плечи. Его голубые глаза, холодные, как лёд на вершинах Домбая, впились в меня с неожиданным интересом.

— Ты прямолинейная, — заметил он, и в его голосе проскользнула нотка одобрения, смешанная с иронией. — Обычно девушки в моём присутствии либо молчат, либо пытаются казаться лучше, чем они есть. А ты сразу в лоб.

— У меня нет времени на светские беседы, — отрезала я, хотя сердце предательски ускорило ритм. — Через двадцать минут мой автобус уходит. И, честно говоря, после того, что я услышала о твоих требованиях к женщинам, мне стало даже любопытно: ты ищешь спутницу или удобный аксессуар, который не будет мешать тебе любоваться собой?

Зухра, сидевшая рядом, нервно кашлянула, явно не ожидая, что её тихая управляющая превратится в грозного оппонента. Но он не разозлился. Напротив, он подался вперёд, и я почувствовала исходящий от него запах морозного воздуха и дорогого табака.

— Аксессуар? — он усмехнулся, и эта улыбка была уже совсем другой — живой, почти мальчишеской. — Знаешь, за все годы работы с туристами я понял одно: люди всегда видят то, что хотят видеть. Ты увидела шубу и решила, что я клоун. Услышала про день рождения и решила, что я копия

твоего бывшего. Ты строишь стены быстрее, чем я успеваю поздороваться.

Я осеклась. Его слова попали точно в цель, как будто он прочитал мои мысли, записанные в блокноте, который я всегда носила с собой.

— Может, и строю, — тихо ответила я, глядя в окно на заснеженные пики. — Но у меня есть на то причины. 16 лет — это не просто цифра, это целая жизнь, которую я потратила на человека, который так же, как и ты, ценил «личное пространство» больше, чем чувства того, кто рядом.

В гостинице наступила тишина. Даже шум с ресепшена казался далёким и неважным. Он перестал играть роль самоуверенного гида. Его взгляд смягчился, став почти внимательным, почти человеческим.

— А если я скажу, что мне не нужен аксессуар? — он понизил голос до того самого бархатного шёпота, от которого у меня по спине пробежали мурашки. — Если я скажу, что ищу ту, которая не будет бояться моих гор, моих туристов и даже этой дурацкой шубы?

Я посмотрела на часы. Десять минут. Мой автобус уже стоял на стоянке, водитель прогревал мотор. В голове пульсировала мысль: «Беги». Но я знала, что если сейчас встану и уйду, то буду жалеть об этом каждый раз, когда буду смотреть на горы.

— Тогда, — я сделала глубокий вдох, чувствуя, как авантюризм берёт верх над здравым смыслом, — тебе придётся

доказать, что ты не просто очередное дежавю. У тебя есть десять минут, чтобы убедить меня, что я не совершаю самую большую ошибку в своей жизни.

Он рассмеялся — искренне, открыто, и в этот момент я поняла: я пропала. Снова. Но, чёрт возьми, как же это было захватывающе.

Он не стал тратить время на долгие вступления. Вместо того чтобы оправдываться или сыпать комплиментами, он просто выложил на стол свой телефон, открыл галерею и развернул экран ко мне.

— Смотри, — сказал он, и в его голосе прозвучала странная, почти болезненная искренность. — Это не туристы. Это то, что я вижу, когда уезжаю от всех этих людей, от шума, от бесконечных требований «показать горы».

На экране сменялись кадры: не открыточные виды Домбая, а дикие, почти пугающие тропы, ледники, где не ступала нога обычного отдыхающего, и одинокие костры под бездонным чёрным небом. Это был другой мир — суровый, честный и невероятно красивый.

— Я ищу не ту, кто будет меня обслуживать, — продолжил он, глядя мне прямо в глаза, не отводя взгляда. — Я ищу ту, кто сможет выдержать эту тишину рядом со мной. Ту, которая не будет спрашивать, почему я молчу, а просто поймёт, что в этот момент я счастлив. Мои бывшие... они хотели праздника, ресторанов, внимания. А я хочу, чтобы человек был моим отражением, а не дополнением.

Я смотрела на фотографии, потом на него, и внутри меня что-то начало медленно оттаивать. Это было так далеко от того, что я себе на придумывала. Он не был самовлюблённым нарциссом, он был человеком, который отчаянно пытался найти «своего» в мире, где все привыкли к поверхностным связям.

— Десять минут, — напомнил он, заметив, как я засмотрелась на экран. — Осталось пять. Ты все ещё хочешь уехать на этом автобусе?

Я перевела взгляд на окно. Автобус, окутанный клубами выхлопного пара, медленно тронулся с места. Я видела, как он отъезжает, увозя мою привычную, безопасную, но такую пустую жизнь. Внутри не было ни капли сожаления. Только странное пугающее чувство, что я стою на краю обрыва, и мне впервые за долгое время хочется сделать шаг вперёд, а не назад.

— Автобус ушёл, — констатировала я, чувствуя, как по спине пробежал холодок, но уже не от страха, а от предвкушения.

Он медленно поднялся, поправил свою нелепую шубу, которая теперь казалась мне не смешной, а какой-то по-особенному уютной, почти символичной. Он протянул мне руку — большую, грубую, с мозолями от горных троп.

— Значит, у нас появилось время на нормальный кофе, — сказал он с той самой уверенной полуулыбкой. — И, надеюсь на то, чтобы ты перестала видеть во мне своего быв-

шего. Меня зовут Аслан. И я обещаю, что со мной тебе точно не будет скучно.

Я вложила свою ладонь в его руку. Она была горячей, и это тепло мгновенно разлилось по всему телу, вытесняя остатки сомнений. Я знала, что это может быть ошибкой. Я знала, что история может повториться. Но в этот момент, в полумраке гостиничного холла, под пристальным удивлённым взглядом Зухры, я поняла: иногда нужно рискнуть всем, чтобы просто почувствовать, что ты ещё жива.

— Ну что ж, Аслан, — ответила я, поднимаясь из-за стола. — Посмотрим, на что ты способен, кроме как пугать девушек своими фотографиями гор.

Аслан усмехнулся, и в этом было столько уверенности, что я на секунду почувствовала себя маленькой девочкой, которую только что поймали на дерзости. Он не отпустил мою ладонь, а лишь слегка сжал её, помогая мне окончательно подняться из-за стола.

— Ты очень смелая, — сказал он, понизив голос до доверительного шёпота. — Или очень безрассудная. Впрочем, в горах это часто одно и то же.

Зухра, до этого момента молча наблюдавшая за нашей «дуэлью», наконец подала голос:

— Ну, раз автобус ушёл, а кофе ещё не остыл, может, пересядем в кресла у камина? Там уютнее, чем здесь.

Мы перешли в зону отдыха. Огонь в камине весело потрескивал, отбрасывая причудливые тени на стены, укра-

шенные старыми фотографиями Домбая. Аслан сел напротив, и теперь, когда он снял свою «нелепую» шубу, я увидела, что под ней простая, добротная шерстяная кофта, которая делала его ещё более приземлённым и настоящим.

— Расскажи мне, — начал он, глядя на меня так пристально, будто пытался прочесть мою биографию по линиям на ладонях, — почему ты так боишься повторения? Ты ведь не просто так сбежала после шестнадцати лет. Ты искала не мужчину, а выход из клетки.

Я замерла. Вопрос был настолько точным, что у меня перехватило дыхание. Никто — даже самые близкие подруги — не формулировали это так чётко.

— Я не искала выход, — ответила я, глядя на танцующие языки пламени. — Я искала себя. За шестнадцать лет я забыла, как звучит мой собственный голос, потому что он всегда был заглушён чужими требованиями, ожиданиями и этим бесконечным «ты должна». А потом я приехала сюда, в горы, и поняла: здесь, среди камней и льда, невозможно притворяться. Горы не терпят фальши.

Аслан молчал долго, давая мне возможность выговориться. В этой тишине не было неловкости — только странное, почти осязаемое понимание.

— Знаешь, — наконец произнёс он, — я ведь тоже сбежал. Не от жены, нет. Я сбежал от той жизни, которую мне навязывали родители, от карьеры в городе, от этого бесконечного бега по кругу. Я пришёл в горы, чтобы найти тиши-

ну. И когда я встретил тебя — ту, которая присылала мне эти фото, — я почувствовал в них не просто работу. Я почувствовал, что человек, который их делает, тоже ищет что-то важное.

Он наклонился вперед, и я почувствовала, как пространство между нами сжимается, превращаясь в натянутую струну.

— Я не твой бывший, — твёрдо сказал он. — И я не собираюсь строить для тебя новую клетку. Но я хочу знать: готова ли ты рискнуть и посмотреть, что будет, если перестать ждать подвоха?

Я посмотрела на него — на эти голубые глаза, в которых отражалось пламя камина, на его уверенные руки, на человека, который, казалось, появился в моей жизни как вызов самой судьбе. Мой внутренний голос, который ещё час назад кричал «беги», теперь тихо шептал «останься».

— Я не знаю, — честно призналась я. — Но я точно знаю, что сегодня никуда не уеду.

Аслан улыбнулся — на этот раз мягко, почти нежно.

— Это уже начало, — сказал он. — А остальное... остальное мы напишем сами. Без сценариев и оглядки на прошлое.

В этот момент за окном поднялся ветер, завывая в ущельях, но здесь, у камина, мне впервые за три года стало по-настоящему тепло. Я поняла, что эта встреча не просто случайность, а начало чего-то, что я ещё не могла назвать, но уже была готова принять.

Глава 2

Наступило утро прощания, и наши пути разошлись: он отправился в столицу, а я взяла билет до Ростова.

Вернувшись домой, я сразу ощутила привычный гнёт ростовской зимней слякоти и гул бесконечного транспортного потока. Стоя на перроне и вдыхая этот тяжёлый, спёртый воздух, я вдруг осознала, что внутри меня образовалась звенящая пустота. В этот момент в кармане завибрировал телефон.

«Я на месте. В Москве льёт дождь. Парадокс, правда? Ещё вчера мы вместе провожали зиму, а сегодня оказались в совершенно разных измерениях».

С этого момента наша жизнь переместилась в мессенджеры. Его поглотила московская суета, бесконечные дела и вечно хмурое небо, которое он всегда недолюбливал. Меня же Ростов начал тяготить своей размеренностью, превращаясь из родного города в тесную клетку. И всё же, несмотря на расстояние, мы были неразлучны в своих диалогах.

Наша переписка стала тем единственным пространством, где мы ещё могли быть рядом. Мы обменивались фрагментами своих будней: он слал снимки дождливых улиц Тверской, я — фото закатов над Доном, которые теперь казались мне безликими и пустыми. Мы обсуждали литературу, до которой не доходили руки, и смотрели кино, синхронно нажимая

на паузу в одни и те же секунды, чтобы тут же отправить сообщение: «Ты тоже это увидел?».

Мы как-то незаметно втянулись в игру и начали в шутку называть друг друга «женишком» и «невестушкой». Это было так мило и забавно, что прозвища быстро стали нашей маленькой традицией, вызывая улыбки даже в самые обычные дни.

Каждый вечер мы обменивались бесконечными сообщениями, звонили друг другу, чтобы поделиться смешными историями или просто посмеяться над очередной шуткой. Наши разговоры были наполнены теплом и лёгкой игривостью — мы постоянно подшучивали друг над другом, не давая скуке ни единого шанса.

Однажды утром мой телефон пикинул сообщением: «Доброе утро, жёнушка!». Я опешила, улыбка застыла на губах, и в шутку ответила: «Погоди, когда это я успела пропустить собственную свадьбу? Вчера ещё была невестой, а сегодня уже жена?». Он тут же подхватил: «А ты всё пропила, вот и не помнишь ничего!». Я рассмеялась в ответ: «Я же предупреждала — не наливайте мне лишнего!»

Эти маленькие моменты стали для нас чем-то особенным — игрой, которая сближала и делала наши отношения теплее. В каждом «женишке» и «невестушке» звучала нежность, которую мы не всегда могли выразить словами напрямую. И пусть это была всего лишь игра, но она стала частью нашей истории, в которой мы были не просто друзьями, а

чем-то большим, чем могут описать слова.

С каждым днём наши шутки и ласковые прозвища приобретали всё больше оттенков, превращаясь в особый язык, понятный только нам двоим. Иногда, когда кто-то из нас был уставшим или расстроенным, достаточно было услышать или прочитать «женишок» или «невестушка», чтобы настроение сразу улучшилось. Это было как маленькое волшебство, которое мы создавали вместе, не замечая, как глубоко оно проникло в наши сердца.

Однажды вечером после особенно долгого рабочего дня я получила от него сообщение: «Сегодня ты точно заслужила титул самой терпеливой невестушки на свете». Я улыбнулась, представляя, как он сидит где-то с телефоном в руках и придумывает эти забавные фразы. В ответ я отправила фото своей чашки с чаем и подписала: «Терпение — это мой секретный ингредиент, чтобы не превратиться в злую женушку». Он тут же прислал голосовое сообщение, в котором смеялся и говорил, что уже начинает привыкать к моему «секретному ингредиенту».

Наши разговоры становились всё более откровенными, и вместе с игрой появлялось ощущение настоящей близости. Мы делились мечтами, страхами и планами на будущее, и каждый раз, когда кто-то из нас говорил что-то важное, в ответ звучало ласковое прозвище — как напоминание, что мы рядом и поддерживаем друг друга.

С каждым днём наши шутки становились всё более изоб-

ретательными, а прозвища — всё более ласковыми и забавными. Иногда я ловила себя на мысли, что именно эти мелочи делают наши отношения такими живыми и настоящими. Мы не боялись быть смешными, уязвимыми и искренними друг с другом, и это было бесценно.

Как-то вечером, когда за окном уже стемнело, он прислал мне голосовое сообщение. Его голос звучал особенно мягко и тепло: «Знаешь, жёнушка, я тут подумал: а может, нам действительно стоит сыграть свадьбу? Не просто в шутку, а по-настоящему?» Я улыбнулась, слушая его слова, и ответила: «А почему бы и нет? Если это будет так же весело и легко, как наша игра, я согласна». Мы оба рассмеялись, но в этом смехе пряталась искренняя надежда.

С тех пор наши разговоры стали ещё глубже. Каждое слово, каждое сообщение укрепляло нашу связь, делая её всё более крепкой и значимой.

Глава 3

Прошёл месяц, и я отправилась в Домбай — меня пригласили навести финансовый порядок в компании одного крупного предпринимателя. Я никогда не посвящала Аслана в свои личные планы, и в этот раз решила сохранить молчание. Но, видимо, наши пути были predetermined.

Во время вечернего променада по Домбаю мой телефон завибрировал: «Мне показалось, или я только что видел тебя?» «Это была я, — подтвердила я. — Я сейчас здесь». «Какое счастье! — пришло сообщение. — Давай увидимся. Я так хочу, чтобы ты постонала подо мной, моя жёнушка».

Я согласилась, не раздумывая, ведь сама мечтала об этой встрече, она ведь впервые была такой близкой. И это было незабываемо — настолько романтично и глубоко, что я ни разу не пожалела о своём решении.

Он принёс откуда-то свечи, вино и бокалы. Мы расположились на полу гостиничного номера, а вокруг нас он зажёл свечи. Это было потрясюще, мной овладели непередаваемые чувства, и я полностью отдалась ему.

В тот вечер время словно замерло, подчиняясь лишь ритму наших дыханий. В полумраке номера, освещённого лишь дрожащими язычками пламени свечей, реальность отступила на второй план. Аслан смотрел на меня так, будто я была единственным сокровищем в этом мире, и в этом взгляде

читалось не только желание, но и какая-то пугающая всепоглощающая страсть.

Каждое его прикосновение ощущалось как электрический разряд. Его пальцы, горячие и уверенные, медленно скользили по моей коже, оставляя за собой дорожки огня. Я чувствовала, как границы между нами стираются, как я растворяюсь в нём, забывая о своей осторожности, о работе, о том, что ещё утром была лишь гостем в этом заснеженном краю. Здесь, в тишине гор, скрытых за плотными шторами, существовали только мы.

Когда он притянул меня ближе, я почувствовала, как внутри разливается тягучее сладкое тепло. Его губы, требовательные и нежные одновременно, исследовали мою шею, спускаясь ниже, к ключицам, заставляя меня выгибаться навстречу. Я больше не пыталась сдерживать эмоции — каждый мой стон, эхом отражавшийся от стен, был признанием в том, как сильно я жаждала этой близости. В его объятиях я была не просто женщиной, а его пленницей, и это осознание пьянило сильнее, чем вино в бокалах.

Мы говорили шёпотом, обмениваясь короткими фразами, которые значили больше, чем любые признания. А потом слова стали не нужны. Остались только звуки ночи, шорох ткани, падающей на пол, и тяжёлое сбивчивое дыхание. В ту ночь Домбай стал колыбелью нашей близости, где под покровом гор мы впервые по-настоящему узнали друг друга — без масок и секретов, обнажённые до самой души.

Утро прокралось в комнату робкими лучами солнца, которые коснулись его плеча. Я замерла, любуясь тем, как свет играет на его смуглой коже. Ещё вчера он казался мне строгим и неприступным, а сейчас, в утреннем свете, в нём проступала первобытная мужская сила, от которой перехватывало дыхание.

Телефон на тумбочке завибрировал, нарушив тишину. Уведомление от заказчика: «Жду вас в офисе к десяти. Нужно обсудить бюджет». Я поморщилась, чувствуя, как холодная реальность пытается вырвать меня из этого кокона нежности.

Аслан пошевелился. Его рука, тяжёлая и властная, лениво скользнула по простыне, нащупывая меня, и притянула к себе. Он открыл глаза — в них ещё плескалась остаточная дремота, но, встретившись с моим взглядом, он мгновенно сфокусировался. Его пальцы, все ещё помнящие изгибы моего тела, настойчиво погладили бедро, не оставляя шанса на побег.

— Не уходи, — его голос, низкий и хриплый от сна, прозвучал как приказ, которому невозможно не подчиниться.

— Мне нужно работать, — прошептала я, хотя сама чувствовала, как внутри всё противится этому «нужно».

Он притянул меня ещё ближе, утыкаясь носом в изгиб моей шеи, и я почувствовала, как по коже снова пробежала знакомая дрожь. Его рука медленно, дразнящее поднялась выше, заставляя меня забыть о каких-то там отчётах.

— Работа подождёт, — пробормотал он, целуя меня в плечо, а затем спускаясь губами к ложбинке между грудей. — Работа никуда не денется, а мы... мы только начали.

Я закрыла глаза, позволила себе ещё на несколько минут забыть о том, что я здесь наёмный специалист. В этом номере, затерянном среди заснеженных вершин, мы были просто мужчиной и женщиной, чьи тела жаждали продолжения вчерашней ночи.

Я знала, что этот день принесёт новые вызовы, что мне придётся надеть маску профессионала. Но где-то глубоко внутри я уже понимала: прежней я не вернусь. Домбай стал точкой невозврата, а Аслан — тем самым магнитом, который окончательно сбил мой внутренний компас. Я осторожно высвободилась из его объятий, чувствуя, как прохладный воздух комнаты касается кожи, и потянулась за халатом, зная, что в моей сумочке, рядом с ноутбуком, теперь лежит нечто гораздо более важное — осознание того, что я больше не одна в этом холодном расчётливом мире. И что следующая ночь будет ещё жарче.

Я вышла из номера, когда солнце уже вовсю заливало заснеженные склоны ослепительным светом. Морозный воздух Домбая, резкий и чистый, обжигал лёгкие, но внутри меня все ещё пульсировало тягучее сладкое тепло его прикосновений. Каждый шаг отдавался лёгкой ноющей болью в мышцах — немым напоминанием о том, как яростно и нежно он владел мной всю ночь.

В офисе заказчика я старалась сосредоточиться на цифрах, но реальность казалась размытой. Мои пальцы порхали по клавиатуре, цифры выстраивались в стройные ряды, но перед глазами стоял Аслан: его смуглая кожа, напряжённые мышцы спины, его тяжёлый собственнический взгляд. Я чувствовала себя обнажённой под строгим деловым костюмом, словно его руки все ещё блуждали по моему телу, оставляя невидимые, но жгучие следы.

Пришло сообщение от него, которое заставило меня улыбнуться: он признался, что это был лучший секс в его жизни, и он даже не припомнит, когда испытывал подобные эмоции.

— Вы сегодня какая-то рассеянная, — заметил заказчик, отрываясь от бумаг. — Надеюсь, горы не вскружили вам голову?

Я натянуто улыбнулась, поправляя воротник блузки. Под тканью кожа горела — я помнила каждый его укус, каждый след, который он оставил на мне словно клеймо.

— Просто непривычный климат, — ответила я, стараясь, чтобы голос звучал ровно, хотя внутри меня всё дрожало от предвкушения.

Стоило мне выйти на обеденный перерыв, как телефон завибрировал. Одно короткое сообщение: «Я жду тебя там, где мы договорились. Не заставляй меня искать тебя по всему посёлку. Я не люблю ждать, когда речь идёт о нашем удовольствии».

Сердце пропустило удар, а внизу живота разлилась горячая волна. В этом требовании не было просьбы — только право собственности, которое он закрепил за собой ещё вчера. Я знала, что должна была бы отказаться, сослаться на занятость, на профессиональную этику, но вместо этого я пошла в его сторону, чувствуя, как с каждым километром дыхание становится всё чаще.

Когда я вошла в номер, Аслан стоял у панорамного окна, глядя на заснеженные вершины. Он даже не обернулся, но я почувствовала, как изменилось напряжение в воздухе — оно стало густым, почти осязаемым. Он знал, что я приду. Он знал, что я уже не принадлежу себе.

— Ты опоздала на целую вечность, — произнёс он низким вибрирующим голосом, медленно поворачиваясь. В его глазах не было гнева, только тёмное голодное предвкушение.

Он подошёл ближе, и я почувствовала, как пространство вокруг меня сужается до размеров его объятий. Он не стал тратить время на слова. Его ладонь легла мне на затылок, пальцы зарылись в волосы, слегка потянув их назад, заставляя меня запрокинуть голову. Я выдохнула, когда его губы накрыли мои — требовательно, жадно, со вкусом вина и мужской силы.

— Работа подождёт, — прошептал он мне в губы, и его рука скользнула вниз, уверенно сжимая мою талию, притягивая к себе так тесно, что я почувствовала каждое его движение, каждый дюйм его желания.

Он подхватил меня на руки, и я обвила его ногами, чувствуя, как ткань моей юбки становится лишней преградой. В этот момент все финансовые отчёты, дедлайны и маски, которые я носила в «большом мире», рассыпались в прах. Здесь, на высоте, где воздух был разрежённым, а страсть — единственным законом, я наконец-то перестала сопротивляться.

Он опустил меня на кровать, и я видела, как его взгляд скользит по моему телу, раздевая меня быстрее, чем его руки. В его глазах читалось обещание: сегодня он не просто возьмёт меня, он заставит меня забыть своё имя, оно растворится в нём до последней капли. Домбай стал местом, где я добровольно сдалась в плен, из которого не хотела выбираться, и где каждое его прикосновение было для меня единственной реальностью.

Он приподнял мой подбородок, заставляя смотреть прямо в глаза, и в этом взгляде я прочла нечто большее, чем просто физическое влечение. В нём была собственническая нежность, от которой перехватывало дыхание.

— Ты думала, что сможешь просто приехать, сделать свою работу и уехать как ни в чём не бывало? — его голос вибрировал где-то совсем рядом с моими губами. — Ты моя, даже когда занята своими цифрами. Особенно когда ты такая серьёзная и недоступная для других.

Его пальцы, прохладные после долгого стояния у окна, коснулись моей щеки, а затем медленно опустились к выре-

зу блузки. Каждое движение было выверенным, почти ритуальным. Он не спешил, наслаждаясь моей дрожью, моим невольным вдохом, который срывался с губ при каждом его прикосновении.

— Я не хочу быть просто гостьей в твоей жизни, Аслан, — прошептала я, чувствуя, как последние барьеры рушатся под его напором. — Но я не умею жить иначе, кроме как по правилам.

— Значит, мы создадим свои правила, — отрезал он, подхватывая меня на руки.

Мир вокруг перестал существовать. Офис, отчёты, ожидания заказчика — всё это превратилось в далёкий нереальный шум, который не имел никакого значения. В этом номере, где за окном величественно застыли горы, мы были единственной живой стихией.

Аслан навис надо мной, закрывая собой весь свет, и в этот момент я поняла: я не просто сдалась. Я нашла то, чего подсознательно искала всю свою жизнь — человека, рядом с которым мне не нужно быть сильной, независимой и расчётливой. Рядом с ним я могла быть просто женщиной, чья единственная задача — чувствовать и отдавать.

Его поцелуи были жадными, почти голодными, словно он пытался впитать в себя каждый сантиметр моей кожи, каждую мою мысль. Я обвила руками его шею, притягивая ближе, чувствуя, как его сердце бьётся в унисон с моим — быстро, неровно, сбиваясь на тот же ритм, что и наши дыхания.

— Ты больше не вернёшься к прежней жизни, — прошептал он мне на ухо, и в его словах не было угрозы, только констатация факта, с которой я была полностью согласна.

В этот момент я осознала, что Домбай — это не просто командировка. Это начало новой главы, где нет места холодному расчёту, а есть только мы, наши тела и эта всепоглощающая страсть, которая с каждой минутой становилась всё глубже, превращаясь в нечто, что уже невозможно было контролировать. Я закрыла глаза, отдаваясь этому потоку, зная, что завтрашний день снова потребует от меня масок, но сегодня... сегодня я принадлежала только ему.

Вечер опускался на Домбай, окрашивая заснеженные пики в густые фиолетовые тона. В номере стало совсем темно, лишь отблески далёких огней посёлка пробивались сквозь щель в шторах, рисуя на наших телах причудливые узоры.

Аслан отстранился ровно настолько, чтобы видеть моё лицо. Его дыхание, всё ещё сбивчивое, опаляло кожу. Он провёл большим пальцем по моей нижней губе, и этот жест был полон такой собственнической нежности, что у меня перехватило дыхание.

— Ты знаешь, что завтра ты не пойдёшь в офис? — спросил он, и в его голосе прозвучало не предложение, а утверждение.

Я открыла глаза, пытаясь сфокусироваться на его чертах. Разум, ещё недавно такой острый и дисциплинированный, сейчас казался затуманенным, словно я долго дышала разре-

женным горным воздухом.

— У меня дедлайн, Аслан. Заказчик ждёт отчёты, — мой голос прозвучал слабо, почти как оправдание, в которое я сама уже не верила.

Он усмехнулся — коротко, почти хищно. Его рука скользнула по моему позвоночнику, заставляя меня невольно выгнуться.

— Заказчик получит свои цифры, когда я решу, что ты достаточно отдохнула. А пока... — он наклонился к самому моему уху, и его шёпот прозвучал как приговор, — пока ты будешь принадлежать только мне. Здесь, в этой тишине, где нет никого, кроме гор и нас.

Он не дал мне времени на возражения. Его губы снова накрыли мои, на этот раз с такой настойчивостью, что все мысли о работе, репутации и о том, что я должна делать, окончательно испарились. Я чувствовала, как он берёт контроль над каждым моим движением и вдохом. И самое пугающее — я не хотела сопротивляться.

В эту ночь он был другим. В его движениях сквозила не только страсть, но и какая-то первобытная жажда обладания. Он словно хотел стереть из моей памяти всё, что было до него, все мои прошлые жизни, все мои попытки быть независимой. И я позволила ему это. Я впитывала его силу, его запах, его тепло, чувствуя, как внутри меня что-то окончательно ломается — та самая броня, которую я так тщательно выстраивала годами.

Когда мы, обессиленные, затихли, переплетаясь телами, я смотрела в потолок, слушая, как за окном завывает ветер. Домбай больше не казался мне просто местом работы. Он стал моим убежищем и моей клеткой одновременно.

Аслан прижал меня к себе, укрывая одеялом, словно защищая от всего мира. Его рука покоилась на моей талии, тяжёлая и надёжная.

— Спи, — прошептал он, целуя меня в макушку. — Завтрашний день будет принадлежать нам. И только нам.

Я закрыла глаза, чувствуя, как сон медленно затягивает меня в свои сети. Я знала, что утром проснусь уже не той женщиной, которая приехала сюда наводить порядок в чужих финансах. Я приехала наводить порядок в своей жизни, но, кажется, именно сейчас, в объятиях этого человека, мой мир окончательно перестал поддаваться логике. И, странное дело, мне это нравилось.

Утро следующего дня встретило меня холодным ветром, который проникал сквозь щели в окнах, напоминая о том, что Домбай — это не только романтика и страсть, но и суровая реальность. Я быстро собралась, стараясь не думать о том, как тяжело будет расставаться с этим местом и с ним. Но в глубине души знала: это не прощание, а лишь пауза.

В офисе меня ждали новые задачи, отчёты, цифры и бесконечные звонки. Коллеги заметили перемены — я стала более уверенной, спокойной, будто внутри меня зажглась новая искра, которую невозможно было погасить. Каждый

взгляд на телефон заставлял сердце биться быстрее, ведь любое сообщение от Аслана было как глоток свежего воздуха в этом душном мире бизнеса.

Вечером, когда посёлок погрузился в сумрак, я снова оказалась у него. Мы не спешили, наслаждаясь каждым мгновением. Он рассказывал о своих планах, мечтах, о том, как давно искал кого-то, кто сможет понять и принять его таким, какой он есть. Я слушала, чувствуя, как между нами растёт нечто большее, чем просто страсть: доверие, уважение, желание быть рядом, несмотря ни на что.

Мы гуляли по заснеженным тропам, где тишина гор казалась почти священной. В этих мгновениях я ощущала, что наш союз — это не случайность, а судьба, которая свела нас вместе, чтобы мы могли стать сильнее и счастливее. Но как же наш уговор? К чёрту этот уговор, надо жить здесь и сейчас!

Ночь была наполнена нежностью и обещаниями. Мы говорили о будущем, о том, как будем поддерживать друг друга, несмотря на все испытания, которые ждут впереди. Его руки были надёжным убежищем, а его голос тихой мелодией, которая успокаивала и вдохновляла.

С каждым днём я всё больше понимала, что Домбай стал для меня точкой отсчёта новой жизни. Здесь я нашла не только профессиональный вызов, но и любовь, которая меняет всё.

Мы договорились не торопить события, позволить отно-

шениям развиваться естественно, без давления и ожиданий. Но я знала — это начало чего-то большого и настоящего.

И когда я снова смотрела на заснеженные вершины, я чувствовала, как внутри меня растёт уверенность: вместе с Асланом мы сможем пройти через любые бури, сохранив тепло и свет, которые нашли друг в друге.

Глава 4

Божественная красота Домбая поражала меня не только каждый день — каждый час! Утром просыпаешься — светит солнце, вершины гор окутаны солнечными лучами. Но через час могут набежать тучи и пролиться дождём, словно из ведра. Именно эта переменчивая погода завораживала: свежесть смешивалась с жарой, а виды на горы постоянно менялись, никогда не повторяясь.

Отдельного упоминания заслуживает кухня — настоящий гастрономический тур. Хычины, шурпа, шашлык из баранины — это можно есть каждый день и не надоедает. Интересно, что у каждой хозяйки свой рецепт и способ приготовления, но у всех получается безумно вкусно.

По дороге на Домбай моё сердце сжималось от боли: деревья всё чаще болели и падали, целые опушки в лесу становились голыми. Я всегда задавалась вопросом: неужели нельзя что-то сделать? Сейчас ведь существует множество химических препаратов, которыми можно обработать и спасти деревья. Но, видимо, никому это не нужно. Местные власти оправдываются тем, что это заповедник, и людям запрещено вмешиваться в природу. Но так и хочется кричать: «Люди, если вы не вмешаетесь, скоро этому заповеднику придёт конец, и вековых деревьев не останется!»

Старожилы рассказывали, что раньше в парке разводили

ли дятлов и выпускали их в леса, чтобы они лечили лес — поедали вредных личинок. Сейчас же этим забросили заниматься, и лес погибает на глазах.

Недавно, гуляя рано утром, я увидела пролетающего дятла и обрадовалась — вот он, спаситель! Хоть бы их стало побольше в этих местах.

Каждое утро в Домбае наполняет душу особым трепетом — свежий горный воздух, напоённый ароматами хвои и цветущих трав, словно оживляет каждую клеточку тела. Здесь чувствуешь себя частью чего-то великого и вечного, словно сама природа шепчет свои древние тайны. Ветер, играя с листьями, приносит звуки далеких ручьёв и пение птиц, создавая неповторимую симфонию жизни.

Но вместе с красотой приходит и тревога за будущее этого края. Лес, который когда-то был могучим и густым, теперь нуждается в заботе и внимании.

Местные жители, несмотря на все трудности, сохраняют любовь к своей земле и передают её из поколения в поколение. Их традиции, ремёсла и обычаи — это живой мост между прошлым и будущим, который помогает сохранить уникальность Домбая. Важно поддерживать эти культурные ценности, ведь они неразрывно связаны с природой и её благополучием.

Каждый новый день в Домбае приносит ощущение обновления и надежды. Здесь, среди величественных гор и густых лесов, кажется, что время течёт иначе — медленнее, глуб-

же, позволяя прочувствовать каждую минуту, каждое дыхание природы. Вечерами, когда солнце медленно опускается за горизонтом, небо окрашивается в нежные оттенки розового и золотого, а тишина наполняется звуками ночной жизни — шорохом листьев, далёким криком совы, лёгким журчанием горной речки.

Однако, несмотря на всю эту красоту, Домбай сталкивается с вызовами, которые требуют внимания и совместных усилий. Изменение климата, усиление туристического потока и недостаток экологического просвещения могут привести к необратимым последствиям. Важно, чтобы каждый, кто приезжает сюда, понимал свою ответственность — беречь природу, уважать её границы и поддерживать местные инициативы по сохранению экосистемы.

В Домбае каждый камень, каждое дерево, каждая тропинка наполнены историей и смыслом. Здесь можно почувствовать связь с древними временами, когда люди жили в единстве с природой, уважая её силу и мудрость. Возвращаясь домой, унося с собой воспоминания о горных рассветах и звуках леса, хочется верить, что эта красота сохранится и будет вдохновлять ещё многих поколений.

Пусть же Домбай останется не только местом для отдыха и наслаждения, но и символом бережного отношения к природе, примером того, как человек может быть хранителем, а не разрушителем родного края. Ведь именно в этом заключается истинная ценность и смысл путешествий: не только

увидеть новые места, но и научиться любить и защищать их.

Глава 5

Аслан опять уехал к себе в столицу, а я осталась наедине со своими цифрами.

Однажды днём, забежав к Зухре в гостиницу, я не сразу заметила, как внимательно она меня разглядывает. Я просто светилась изнутри, и, видимо, это было слишком заметно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.